

ЛИ ЧАЙЛД

ЛИ ЧАЙЛД

Джек Ричер, или 61 час

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ч-15

Lee Child
61 HOURS

© 2010, Lee Child
This edition published by arrangement
with Darley Anderson Literary,
TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

Чайлд, Ли.
Ч-15 Джек Ричер, или 61 час / Ли Чайлд ; [пер. с англ. В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (100 главных книг).

ISBN 978-5-699-97734-5

На заснеженной дороге в Южной Дакоте потерпел аварию туристический автобус. Ехавшего в нем Джека Ричера сразу насторожило то, как тщательно местные правоохранители проверяли всех пассажиров автобуса. Оказывается, городская полиция ждет неизвестного киллера, который должен убрать важную свидетельницу...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-97734-5

© Гольдич В., Оганесова И., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Моему единственному
и неповторимому редактору
Кейт Мисиак*

Глава

01

Было без пяти три дня, ровно шестьдесят один час до того, как это произошло. Адвокат въехал на парковку и занял свободное место. На земле лежал целый дюйм недавно выпавшего снега, и он почти минуту елозил ногами, пока не убедился, что калоши наделись и не свалятся. Потом выбрался наружу, поднял воротник и направился к входу для посетителей. С севера дул пронзительный ветер, который бросал в лицо жирные ленивые снежинки. Примерно в шестидесяти милях бушевала настоящая буря, и по радио ни о чем другом не говорили.

Адвокат вошел в дверь и принялся топтать ногами, чтобы стряхнуть снег. День был не приемный, а значит, никакой очереди. Он увидел перед собой только пустую комнату, пустую ленту конвейера с просвечивающим оборудованием, пустую рамку металлодетектора и трех тюремных охранников, которые ничего не делали. Адвокат кивнул им, хотя не был с ними знаком, но он считал, что находится с ними по одну сторону баррикад. Тюрьма представляла собой бинарную систему: ты либо сидишь за решеткой, либо нет. Они не сидели. Он тоже.

Пока.

Адвокат взял серый пластиковый контейнер из высокой неустойчивой стопки и убрал в него пальто. Потом снял пиджак, сложил его и пристроил сверху. В тюрьме было жарко. Считалось, что дешевле потратить лишнее топливо, чем выдавать заключенным два комплекта одежды — один на лето, другой на зиму. Он слышал впереди обычные тюремные звуки: звон металла и бетона, беспорядочные безумные крики и вопли, тихое ворчание равнодушных голосов, приглушенных закрытыми дверями и коридорами с бесконечными лестницами.

Адвокат вынул из карманов брюк ключи, бумажник, мобильный телефон и мелочь и положил еще теплые личные вещи поверх пиджака. Потом взял в руки контейнер, но не поставил его на ленту конвейера, а прошел через все помещение к маленькому окошечку в стене. Там он минуту подождал, женщина в форме взяла контейнер и выдала ему билетик с номером.

После этого адвокат остановился перед металлодетектором, похлопал себя по карманам и стал смотреть прямо перед собой, как будто ждал приглашения, — привычка, выработанная бесконечными перелетами на самолетах. Охранники продержали его около минуты, глядя на маленького нервного человечка без пиджака и с пустыми руками. У него не было с собой ни портфеля, ни записной книжки или даже ручки. Он пришел вовсе не за тем, чтобы помочь советом заключенному. Как раз наоборот: он будет слушать, а не говорить, и, уж конечно, даже не подумает о том, чтобы записать то, что услышит, на бумаге.

Адвокату показали, что он может пройти. Загорелась зеленая лампочка, сигнала тревоги не прозвучало, однако один из охранников провел вдоль его тела металлоискателем, а другой умело похлопал руками, проверяя, нет ли чего запретного. Третий повел его в глубь комплекса сквозь двери, устроенные таким образом, что они открывались только тогда, когда предыдущая и следующая были закрыты. Они заворачивали за бесконечные внутренние углы, предназначенные для того, чтобы тот, кто бежит по коридору, не мог слишком сильно разогнаться, шли мимо окон с толстым зеленым стеклом, за которыми виднелись внимательно наблюдавшие за ними лица.

Вестибюль представлял собой обычное помещение с линолеумом на полу, светло-зелеными стенами и флуоресцентными лампами на потолке. Он соединялся с внешним миром, и, когда дверь открывалась, внутрь врываются порывы холодного ветра, а на полу оставались соленые пятна и лужи растаявшего снега. Сама же тюрьма не имела с ним ничего общего, потому что у нее не было связи с миром за ее стенами, не было неба и природных явлений. Никто даже не пытался хотя бы чуть-чуть ее приукрасить — сплошной голый цемент, покрытый жирными пятнами в тех местах, где его касались рукава и плечи заключенных, и светлый и пыльный там, куда они не доставали. Пол, выкрашенный серой краской, напоминал пол в гараже какого-нибудь автолюбителя. Ботинки адвоката тихонько поскрипывали, касаясь его поверхности.

В тюрьме имелись четыре комнаты для допросов: бетонные кубики без окон, разделенные ровно попо-

лам бетонной стойкой высотой с письменный стол, которая шла от одной стены к другой, с пуленепробиваемым стеклом поверху. Над ней горели лампочки, забранные проволоочной сеткой. Стекло было толстым, слегка зеленоватым, разделенным на три панели внахлест, в результате получились две боковые щели для подслушивания разговоров. В самом низу центральной панели имелась еще одна щель, для документов. Совсем как в банке. В каждой половине комнаты была дверь и стоял стул, абсолютно симметрично. Адвокаты входили с одной стороны, заключенные — с другой. И так же уходили, каждый в свою жизнь.

Охранник открыл дверь из коридора и вошел в комнату примерно на ярд, чтобы проверить, все ли в ней так, как должно быть. Затем он отступил в сторону и позволил адвокату войти. Тот дождался, когда у него за спиной закроется дверь и он останется один. Только после этого юрист сел и, посмотрев на часы, обнаружил, что опоздал на восемь минут. Он ехал медленно из-за плохой погоды. Обычно адвокат считал недопустимым опоздание на встречу, непрофессиональным и неуважительным по отношению к клиенту. Однако в тюрьме все было иначе, здесь время для заключенных не имело принципиального значения.

Еще через восемь минут дверь в стене за стеклом открылась, появился другой охранник, проверил помещение, снова исчез, и внутрь, шаркая, вошел заключенный — клиент адвоката: белый мужчина, невероятно толстый и совершенно лысый, одетый в оранжевый комбинезон. Цепи на его запястьях, поясе и щиколотках казались миниатюрными, похо-

жими на украшения. У него были пустые глаза, покорное, ничего не выражающее лицо, только губы слегка шевелились, как у дурачка, пытающегося не забыть трудное задание.

Дверь в стене за стеклом закрылась.

Заклученный сел.

Адвокат придвинул свой стул поближе к перегородке.

Заклученный сделал то же самое.

Симметрия.

— Извините, я опоздал, — сказал адвокат.

Заклученный не ответил.

— Как вы? — спросил адвокат.

Заклученный не ответил, и адвокат замолчал.

В комнате было невероятно жарко. Через минуту заклученный заговорил; он будто декламировал, пробираясь сквозь список инструкций, и предложений, и пунктов, которые заучил наизусть. Время от времени адвокат просил его:

— Помедленнее.

И всякий раз заклученный замолкал, ждал, потом снова начинал с того места, где остановился, не меняя скорости и певучей интонации. Ощущение было такое, будто он просто не умеет разговаривать по-другому.

Адвокат считал, что у него вполне приличная память, особенно когда речь шла о деталях, как у большинства юристов, и он слушал очень внимательно, потому что необходимость сосредоточиться на процессе запоминания отвлекала его от истинного содержания инструкций, которые он получал. Однако в самом дальнем углу своего сознания он насчитал

четырнадцать противозаконных предложений, прежде чем заключенный наконец закончил говорить и откинулся на спинку стула.

Адвокат молчал.

— Все понятно? — спросил заключенный.

Адвокат кивнул, заключенный погрузился в тупую неподвижность и стал похож на бесконечно терпеливого осла, работающего в поле. Время для заключенных ничего не значит. Особенно для этого. Адвокат отодвинул стул и встал. Дверь с его стороны открылась, и он вышел в коридор.

Было без пяти минут четыре дня.

Осталось шестьдесят часов.

Адвокат обнаружил, что его ждет тот же охранник, и уже через две минуты стоял на парковке. Он был снова полностью одет, а его вещи лежали в карманах, приятно их оттягивая, напоминая о настоящем и нормальной жизни. Снег пошел сильнее, стало заметно холоднее, дул пронзительный ветер. Рано и быстро темнело. Адвокат посидел немного с включенным двигателем, дожидаясь, когда нагреется сиденье, глядя на дворники, которые отчаянно сражались со снегом. Потом под визг шин медленно развернулся по широкой дуге, и фары прочертили яркие полосы в белом покрывале, окутавшем все вокруг. Он направлялся к выезду, воротам из проволочной сетки, ожиданию, проверке багажника, а дальше на прямую дорогу, ведущую из города к автостраде.

Четырнадцать предложений, требовавших нарушения закона. Четырнадцать самых настоящих преступлений, если он передаст то, что ему сказали, и

все будет сделано, а оно *будет* сделано. Или пятнадцать, потому что он сам станет соучастником. Или даже двадцать восемь преступлений, если прокурор решит считать каждый эпизод, что он вполне может сделать исключительно ради удовольствия. Или чтобы прославиться. Двадцать восемь дорог к позору, бесчестию и лишению лицензии, суду, приговору и тюрьме. Почти наверняка к пожизненному заключению, учитывая природу одного из четырнадцати предложений, и это еще если повезет и удастся заключить сделку о признании вины. Он даже думать не хотел о том, что его ждет, если такую сделку совершить не получится.

Адвокат объехал «клеверную» развязку и покатил по медленной полосе. Со всех сторон его окружало толстое покрывало падающего снега, серое в стущающихся сумерках. Иногда по той же полосе проезжали другие машины, одни быстрее, другие медленнее; порой навстречу проносились грузовики и еще какие-то автомобили. Держа одну руку на руле, он развернулся на сиденье, достал мобильный телефон и задумался. У него было три возможности. Первая: ничего не делать. Вторая: позвонить по номеру, который ему назвали. И третья: поступить так, как и следовало в данных обстоятельствах, — набрать 911, затем как можно быстрее связаться с местным управлением полиции, дорожным патрулем, шерифами округа, коллегией адвокатов и собственным адвокатом.

Адвокат выбрал второй вариант; впрочем, он знал, что именно так и поступит. Первый ничего ему не дал бы, если не считать того, что чуть позже они бы его

нашли. Третий вариант означал смерть, медленную и неминуемую, вне всякого сомнения, после многих часов или даже дней страшных мучений. Он был маленьким, нервным человеком. И никаким не героем.

Поэтому адвокат набрал номер, по которому ему велели позвонить.

Он проверил его дважды, потом нажал на зеленую кнопку и поднес телефон к уху — что во многих штатах рассматривалось как двадцать девятое преступление.

Но не в Южной Дакоте.

Пока еще нет.

Слабое утешение.

Голос, который ему ответил, он слышал четыре раза в жизни — грубый и хриплый, приправленный не вызывавшей сомнений животной угрозой. По представлениям адвоката, это был голос из другого мира.

— Выкладывай, приятель. — Он услышал в голосе улыбку и намек на злобную радость, как будто его хозяин наслаждался своей абсолютной властью, а еще смущением, страхом и отвращением звонившего.

Адвокат сглотнул и заговорил, перечисляя инструкции, повторяя предложения и целые параграфы в точности так, как они были переданы ему самому. Он начал в семи милях и семи минутах от моста через автостраду, который, впрочем, не особенно походил на мост. Шоссе было совершенно ровным и прямым, но по обеим его сторонам появился небольшой овраг — сухой большую часть года, однако через пять месяцев по нему потекут потоки растаяв-

шего снега. Дорожные инженеры разровняли овраг, превратив его в аккуратный кульверт, и установили под дорожным покрытием сорок гигантских бетонных труб, чтобы фундамент не размывало раз в год. Весной система прекрасно работала, но имела один недостаток, который появлялся зимой, и поэтому инженеры поставили с двух сторон моста щиты с объявлением следующего содержания: МОСТ ЗАМЕРЗАЕТ РАНЬШЕ, ЧЕМ ДОРОГА.

Адвокат продолжал ехать дальше и говорить. Через семь минут монолога он добрался до самого очевидного, грубого и вопиющего из четырнадцати предложений. Он сообщил его в телефон точно в том виде, в каком услышал в тюрьме, иными словами, совершенно спокойно и без эмоций. Грубый голос на другом конце рассмеялся, и адвоката передернуло. Из самых глубин его существа буквально поднялся на поверхность моральный спазм, который заставил напрячься плечи и вдавил телефон в самое ухо.

Рука на руле дернулась.

Передние шины заскользили на покрытом льдом мосту, адвокат не слишком ловко выправил машину, но задние колеса повело в противоположную сторону, его закружило на месте, и он остановился поперек дороги. В следующее мгновение он увидел сквозь падающий снег приближающийся автобус, совершенно белый, который ехал очень быстро и прямо на него. Часть сознания адвоката твердила, что столкновение неизбежно, но другая вопила: «Нет!» Ему хватит места и времени, чтобы уйти в сторону, посередине есть трава и два надежных металлических барьера между ним

и встречным транспортом. Он прикусил губу, расслабил руки на руле и выпрямился; автобус промчался мимо, параллельно и ровно в двадцати футах от него.

Адвокат с облегчением выдохнул.

— Что? — спросил голос в телефоне.

— Меня занесло, — ответил адвокат.

— Заканчивай доклад, задница, — велел голос.

Адвокат снова сглотнул и заговорил с того места, где остановился.

Водитель, сидевший за рулем встречного автобуса, являлся ветераном с двадцатилетним стажем и в своем мире добился почти максимума. Скорее всего, у него имелась лицензия, он прошел отличную подготовку и обладал достаточным опытом. Он был уже не молодым, но еще не старым. С точки зрения умственного и физического состояния он находился на широком плато здравого смысла и зрелости и на пике своих способностей. Он ехал по расписанию и не опаздывал, не превышал скорость, не был пьян или под воздействием наркотиков.

Но он устал.

Водитель уже два часа смотрел на невыразительный пейзаж, окутанный белым покрывалом снега. Он видел задние огни машины примерно в ста ярдах впереди, видел, как она вдруг встала по диагонали на дороге. Из-за усталости он отреагировал на долю секунды позже, однако уже в следующее мгновение напряжение в онемевшем теле вызвало чрезмерную реакцию, и он дернул руль так, будто пытался увернуться от удара. Слишком сильно и слишком поздно. И в любом случае бессмысленно. Легковая машина

выровнялась и уже находилась за ним, когда передние колеса автобуса заскользили по мосту в тот момент, когда руль потребовал, чтобы они повернулись, и они сорвались с покрытия дороги.

Задняя часть, где находились громадный чугунный блок двигателя, цистерна с водой и туалет, была самой тяжелой, точно маятник. Она попыталась помочь передним колесам, но у нее ничего не вышло, не хватило всего нескольких очень важных градусов. Водитель сделал все правильно; он изо всех сил сражался с автобусом, но руль был легким, словно перышко, а передние колеса больше не касались дороги. Он ничего не мог сделать. Задняя часть автобуса завертелась.

Водитель сражался с ним целых триста ярдов и двенадцать долгих секунд, которые показались ему двенадцатью часами; он крутил громадный пластиковый руль налево, потом направо, пытался остановить скольжение, снизить скорость, которую оно набирало. Но она продолжала нарастать, громадный маятник в задней части автобуса метался из стороны в сторону, мягкие пружины лопались и выстреливали в воздух. Автобус наклонился, задняя его часть развернулась на сорок пять градусов налево, потом на столько же направо. МОСТ ЗАМЕРЗАЕТ РАНЬШЕ, ЧЕМ ДОРОГА. Автобус промчался мимо последней бетонной трубы, и передние колеса опустились на асфальт, но в этот момент они находились по диагонали относительно дороги, и весь автобус повернулся в ту же сторону, как будто выполнял вполне законную команду, как будто снова стал послушным. Водитель изо всех сил ударил по тормозам, и коле-